

ВЛАСТЕДУНН ЧУЖИХ МЫСЛЕЙ

Оскар Робертсон

Властелин чужих мыслей

Оскар Робертсон

Книга «Властелин чужих мыслей» является художественным произведением. Все совпадения с реальными событиями или личностями являются случайными и не имеют намерения оскорбить чувства верующих. Роман служит сатирическим комментарием, высмеивающим некоторые аспекты и персонажи существующей системы, исследуя сложные вопросы человеческого бытия.

Оглавление

Часть 1. Канцелярская мышь и камень преткновения

Глава 1. Серый кардинал скрепок

Глава 2. Крестовый поход на «Жигулях»

Глава 3. Шепот тишины

Часть 2. Парад лицемерия

Глава 4. Матушка и Бездна

Глава 5. Рентген человеческих душ

Глава 6. Визит к Вале: крушение иллюзий

Часть 3. Одиночество всезнающего

Глава 7. «Как страшно жить» или Похмелье от чужих грехов

Глава 8. Друг познается в еде

Глава 9. Тень психиатрии

Часть 4. Бездна Александра Дворкина

Глава 10. Кинотеатр пороков имени Иринея Лионского

Глава 11. Проповедь с двойным дном

Глава 12. Бегство из сумасшедшего дома

Часть 5. Анатомия зла

Глава 13. Рыльце в «диком мху»

Глава 14. Копрофил у власти

Глава 15. Молитва и прозрение

Часть 6. Исход, или как забетонировать правду

Глава 16. Утопленник в тазике с цементом

Глава 17. Систематизация Ада (Архивы РАЦИРС)

Глава 18. Побег из Курятника (с элементами погони)

Заключение. Хроники жизни и биороботы на свободе

Глава 19. Фантомные боли совести

Глава 20. Вечная флешка Вселенной

Глава 21. Любовь к ближнему (инструкция по выживанию)

Глава 22. Великий Комбинатор на пенсии

Часть 1. Канцелярская мышь и камень преткновения

Глава 1. Серый кардинал скрепок

В самом центре Москвы, в здании, которое с равным успехом могло быть бывшим НИИ советской эпохи или нынешним центром по отмыванию грехов, пахло ладаном, дешевым растворимым кофе «Нескафе» и дорогой пылью. Это был запах бюрократического благочестия. Запах Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Николай Тимофеевич сидел за столом, который был ему велик, как и вся его жизнь. Перед ним возвышалась стопка папок с громкими названиями: «Угроза национальной безопасности», «Психотеррор в йога-студиях», «Сатанизм в детских раскрасках». Николай был секретарем. Человеком-функцией. Тем самым винтиком, без которого огромная машина по производству врагов народа начала бы скрипеть, но с которым она работала тихо и неумолимо, как гильотина, смазанная елеем.

Ему было тридцать пять, но выглядел он на неопределенный возраст «между юностью и пенсией». В детстве Колю били. Били часто, со вкусом, особенно за школой, где рыжий Петька из 5-го «Б» регулярно проверял прочность Колиных очков. Тогда, размазывая сопلي и слезы по разбитой губе, Коля мечтал не о том, чтобы стать

сильным и дать сдачи. Нет, это было слишком банально. Он мечтал о Суперсиле. Он хотел читать мысли.

«Если бы я знал, — думал маленький Коля, прижимая к груди порванный ранец, — что Петька ударит справа, я бы увернулся. Если бы я знал, что учительница математики ненавидит меня не за знания, а потому что я похож на её бывшего мужа, я бы не старался».

Знание — это власть. Эта мысль засела в нем глубоко, как заноза.

Годы шли. Суперсила не появлялась, зато появилась суперусидчивость. После семинарии, где Николай понял, что служение Богу требует слишком много суеты, и истфака, где он понял, что история — это проститутка политики, он нашел себя здесь. В РАЦИРС.

Здесь создавалась новая история. Здесь, под портретами Александра Леонидовича Дворкина, висящими чуть ли не в каждом углу (иногда Николаю казалось, что борода шефа на портретах растет, как у живого), решалось, кому в России жить хорошо, а кому — сидеть за экстремизм.

Николай любил называть себя «Серым Кардиналом». Конечно, про себя. Вслух он говорил: «Да, Александр Леонидович, кофе сейчас будет», или «Конечно, отец Олег, я перепечатаю список запрещенных мультфильмов». Но в глубине души он упивался своей причастностью. Через его руки проходили доносы, экспертные заключения, написанные людьми, которые в слове «религиоведение» делали три ошибки, и списки будущих жертв. Он знал тайны.

— Николай! — раздался из селектора голос, способный скиснуть молоко в радиусе километра. Это звонила матушка Агриппина, главная по кадрам и нравственности. — Ты подготовил справку для Минюста по «десятиникам»?

— Делаю, матушка! — крикнул Николай в аппарат, торопливо сворачивая на компьютере пасьянс «Косынка».

На самом деле он не делал ничего. Он смотрел в окно, где по серой московской улице шли серые люди, не подозревающие, что их увлечение гомеопатией или медитацией под шум дождя уже классифицировано в этой папке как «подготовка к вступлению в деструктивный культ».

Работа в РАЦИРС была скучной до зубного скрежета. Она состояла из бесконечного перекладывания бумаг, которые должны были доказать, что Россия находится в кольце врагов. Враги были везде: в школах, в больницах, в интернете. Особенно в интернете.

Николай вздохнул, поправил очки и потянулся за папкой с грифом «Совершенно секретно. Для служебного пользования». Там лежал черновик новой методички Дворкина. Николай знал, что текст наполовину скопирован из книг американского депрограммера Стивена Хассена, а наполовину — плод воспаленной фантазии самого шефа. Но кто он такой, чтобы судить? Он всего лишь секретарь. Хранитель скрепок Священной Инквизиции.

Глава 2. Крестовый поход на «Жигулях»

Дверь кабинета не открылась — она взорвалась внутрь. Грохот удара о стену заставил Николая подпрыгнуть и пролить остывший кофе на отчет о вреде вегетарианства.

В помещение, как шаровая молния, завернутая в дешевый пуховик, влетел Константин Владимирович Путник. Глава миссионерского отдела одной из уральских епархий, он был живым воплощением антикультовой истерии. Плешивый, с бегающими глазками и вечно влажными руками, Путник всегда выглядел так, будто за ним гонятся все демоны ада одновременно.

— Взяли! Коля, мы их взяли! — взвизгнул Путник, сбрасывая на полированный стол Николая кучу грязного хлама. — Гнездо! Осиное гнездо разворошили!

Он тяжело дышал, распространяя запах пота, вокзальных пирожков и фанатизма.

— Кого взяли, Константин Владимирович? — Николай брезгливо отодвинул пальцем грязный рюкзак, упавший прямо на клавиатуру.

— Экстремистов! Свидетелей этих... Иеговы! — Путник вытер лоб рукавом. — Мы с ребятами из Центра «Э», да с казаками... Ух! Дверь вынесли, окна выбили! Они там чай пили, представляешь? Библию читали! Свою, неправильную!

Николай знал, как это происходит. «Рейды». Любимое развлечение активистов РАЦИРС. Врываться в квартиры к пенсионерам и семьям с

детьми, переворачивать всё вверх дном, подкидывать нужную литературу, чтобы потом прокурор мог с чистой совестью «шить» экстремизм.

— И что, сопротивлялись? — лениво спросил Николай, понимая, что ему теперь придется оформлять этот мусор как «вещдоки».

— Куда там! — хохотнул Путник, и в этом смехе было что-то гиеноподобное. — Мужик, глава семьи, пытался про Конституцию заикаться. Про 28-ю статью, свободу совести... Наивный! Мы ему сразу по почкам объяснили, что у нас свобода только правильной совести. А жену его... ух, визжала она, когда мы детей забирали.

Николай почувствовал легкий укол где-то в районе совести, но привычно заглушил его мыслью о премии.

— Детей-то куда?

— В приют, куда же еще! Органы опеки с нами были, все по закону, — Путник подмигнул. — Спасли ребятишек от духовной гибели. Пусть лучше в детдоме растут, чем в секте. Там из них людей сделают. Патриотов!

Он начал выкладывать на стол содержимое рюкзака. Брошюры с картинками рая, старая Библия, какие-то тетради.

— Это все на экспертизу, Александру Леонидовичу лично. Пусть пишет заключение, что это оружие массового поражения мозгов. А это... — Путник выудил со дна рюкзака странный предмет.

Это был камень. Не просто булыжник, а явно обработанный кусок породы, размером с кулак. Темный, почти черный, но теплый на вид. По его поверхности змеились едва заметные рельефы — не то буквы, не то случайные сколы.

— Что это? — спросил Николай.

— Да этот сектант, которого мы винтили, он же типа историком был раньше. Археолог-любитель, тьфу. Орал, что это находка века, что он это в какой-то экспедиции нашел, до того как ему мозги промыли. Кричал: «Не трогайте, это артефакт, он живой!». Псих ненормальный.

Путник небрежно кинул камень на стол. Камень глухо стукнул о дерево, и Николаю показалось, что по комнате прошла едва заметная вибрация, как от проехавшего далеко метро.

— Оформи это в наш Музей сектоведения, — распорядился Путник, уже глядя на часы. — Подпиши: «Ритуальный камень для человеческих жертвоприношений». Ну, или что-то в этом духе. Чтобы пострашнее. Александр Леонидович любит, когда страшно. Народ пугать надо, Коля, иначе грантов не дадут.

— А если это просто камень? — тихо спросил Николай.

— В РАЦИРС не бывает «просто камней», — наставительно поднял палец Путник. — Бывают либо православные святыни, либо сатанинские атрибуты. Всё, я побежал. Меня в Патриархии ждут, медаль обещали. За спасение детей.

Дверь захлопнулась. В кабинете снова стало тихо.

Глава 3. Шепот тишины

Николай остался один. За окном сгущались сумерки, превращая Москву в светящийся муравейник. На столе лежала куча чужой, сломанной жизни: детские рисунки, изъятые у «экстремистов», книги, которые теперь сожгут или запрут в спецхране, и этот камень.

Николай протянул руку. Ему было скучно. Отчет для Минюста писать не хотелось, пасьянс не складывался.

«Ритуальный камень», — хмыкнул он. — «Для человеческих жертвоприношений».

Фантазия у этих людей работала только в одном направлении — как бы посильнее напугать обывателя. Николай вспомнил, как неделю назад они писали пресс-релиз о том, что фестиваль красок Холи — это на самом деле заговор по заражению русской молодежи чесоткой и язычеством. Смешно. И страшно.

Его пальцы коснулись прохладной поверхности камня.

В этот момент мир мигнул. Не так, как мигает лампочка перед тем, как перегореть. Мигнуло само восприятие. Звук работающего кулера в углу исчез. Шум машин за окном обрезало, как ножом. Николай одернул руку. — Показалось, — пробормотал он. Голос прозвучал глухо, словно он сидел в бочке.

Он снова прикоснулся к камню. На этот раз он его не отпустил. Поверхность камня быстро нагревалась под пальцами, становясь почти горячей. Иероглифы — теперь он точно видел, что это иероглифы, а не царапины — начали слабо пульсировать, но не светом, а какой-то странной темнотой.

В голове возник гул. Словно миллион мух бились о стекло внутри черепа. — Что за черт... — Николай попытался разжать пальцы, но рука не слушалась. Камень словно приклеился.

И тут гул распался на голоса. Сначала это был хаос, какофония обрывков, криков, шепота. Но постепенно Николай, сам того не осознавая, «настроил» этот приемник. Голоса стали тише, ушли на задний план, превратившись в фоновый шум, похожий на работу вентиляции.

Он сидел, тяжело дыша, с камнем в руке. Сердце колотилось где-то в горле.

— Переработал, — решил он. — Надо просить отпуск. Или хотя бы молоко за вредность. Общение с такими, как Путник, до добра не доводит.

Он положил камень в карман пиджака. Просто так. Чтобы не валялся на столе и не мозолил глаза. «Потом отнесу в архив», — решил он.

Часть 2. Парад лицемерия

Глава 4. Матушка и Бездна

Дверь открылась снова. На этот раз без взрывов, но с неотвратимостью асфальтового катка. В кабинет вплыла Матушка Агриппина. Это была женщина-монумент. Ее тело, скрытое под дорогими темными одеждами, занимало собой все свободное пространство. Лицо, гладкое и холеное, выражало вселенскую скорбь и одновременно готовность растерзать любого, кто усомнится в ее святости.

— Николай, — ее голос лился, как густой сироп. — Ты почему до сих пор здесь? Александр Леонидович звонил, спрашивал про экспертизу по «Бхагавад-гите». Нужно срочно найти цитату, подтверждающую экстремизм. Если нет — придумай.

Николай вскочил, привычно вытягиваясь в струнку.

— Да-да, матушка Агриппина, я как раз...

И тут он замолчал.

Потому что губы Агриппины не двигались. Она стояла, чопорно поджав губы, и смотрела на него своими водянистыми глазами. Но в голове Николая раздался голос. Это был ее голос, но совсем другой интонации. Скрипучий, злой, пропитанный ядом и усталостью.

«Сидит, глаза свои рыбы вылупил. Пиджачишко дешевый, перхоть на плечах. Тьфу. А я из-за этого Дворкина должна в семь вечера тут

торчать. Пот потек, выгляжу как жирный блин... жарко тут, как в преисподней. Вентиляцию починить не могут, зато гранты пилят миллионами. Господи, как же вы все меня утомили. Знала бы, что так все обернется, вышла бы замуж за того бандита в 90-х, сейчас бы на Лазурном берегу сидела, а не с этими глупцами возилась».

Николай пошатнулся. Он схватился за край стола, чтобы не упасть. — С вами все в порядке, Николай? — спросила Агриппина вслух. Ее лицо выражало вежливое участие.

Но в голове гремело: «Только не падай в обморок, убогий. Мне еще скорую вызывать не хватало. Вонь от тебя будет. И так дышать нечем».

Николай смотрел на нее в ужасе. Это не галлюцинация. Это было слишком реально, слишком грязно и слишком... правдиво. Он слышал ее мысли. Детская мечта сбылась. Он получил Суперсилу. Но вместо восторга его накрыла волна тошноты.

— Вот салфетка... — прохрипел Николай, не контролируя свой язык. — Протрите пот с лица, матушка. За это не волнуйтесь.

Глаза Агриппины расширились. На секунду с ее лица слетела маска благочестия, обнажив хищный оскал испуганной крысы.

«Откуда он знает? Я же только подумала...

Вслух она произнесла ледяным тоном:

— Благодарю за наблюдение, Николай. Займитесь делом. Спасение России не ждет.

Она развернулась и выплыла из кабинета, шурша юбками.

Николай рухнул в кресло. Его трясло. Рука в кармане сжимала горячий камень так сильно, что костяшки побелели.

— Спасение России, — прошептал он. — Спа-салон и бандиты.

Он оглядел кабинет. Знакомые портреты на стенах, иконы в углу, папки с доносами. Все это внезапно потеряло свою плотность, стало прозрачным, как декорации в дешевом театре. Он понял, что находится не в центре духовной борьбы. Он находится в центре гигантской, циничной лжи. И теперь он — единственный, кто слышит правду.

Глава 5. Рентген человеческих душ

Вторник в офисе РАЦИРС начался не с кофе, а с запаха тревоги, густо замешанного на аромате дешевого табака, которым тянуло от пиджака отца Феофана. Кабинет Николая Тимофеевича, обычно тихий, как склеп, сегодня напоминал вокзал в час пик. После вчерашнего «рейда» и визита Путника активность борцов с сектами вспыхнула с новой силой, словно в муравейник плеснули кипятком.

Николай сидел за своим столом, стараясь слиться с монитором. Его рука в кармане брюк судорожно сжимала камень. Артефакт, изъятый у несчастного археолога, за ночь, казалось, стал тяжелее и теплее, словно налился чужой кровью. Николай пытался убедить себя не трогать его, оставить эту дьявольскую игрушку в покое, но искушение было сильнее страха. Он хотел знать. Он должен был знать.

В приемной, на продавленном дерматиновом диване, сидела очередь. Люди, пришедшие спасти Россию от духовной заразы. Николай посмотрел на них поверх очков. Раньше он видел в них соратников, воинов света. Теперь, сжимая камень, он видел лишь мясные оболочки, внутри которых кипели страсти, достойные пера де Сада и бухгалтерских отчетов Чичикова.

Первым в кабинет ввалился отец Феофан — грузный протоиерей с лицом, лоснящимся от постного масла и осознания собственной значимости. Он плюхнулся на стул, который жалобно скрипнул, предвещая скорую кончину.

— Николай! — прогудел Феофан басом, от которого дребезжали стекла в серванте с методичками Дворкина. — Ну что там с грантом? Мы подавали заявку на просветительскую деятельность в школах. «Осторожно: йога — путь в бездну». Нужно срочно! Враг не дремлет!

Николай кивнул, привычно открывая папку.

— Делаем, батюшка. Вот смету уточняем. Типографские расходы...

Вслух Феофан продолжил, воздев палец к потолку:

— Ибо сказано: кто не с нами, тот против нас. Эти восточные практики развращают молодежь. Мы должны встать стеной! Это вопрос национальной безопасности, Николай. Духовный щит Родины!

Николай сжал камень. Мир слегка качнулся, краски стали ярче, а густой бас священника отошел на второй план, уступив место тонкому, визгливому голосу в его голове.

«...щит, щит, да где же этот чертов щит от налоговой? Если грант не дадут, чем я кредит за "Крузак" платить буду? Третий месяц просрочки. Матушка еще шубу требует. Говорит, у отца Виталия жена в соболях ходит, а она как сирота казанская. Господи, как же жрать хочется... Стейк бы сейчас. И коньячку. А этот сидит, смотрит своими зенками. Пиджачишко-то на нем — тьфу, с рынка. Серый, как моль. Вот бы его пнуть разок для профилактики. Просто так. Чтобы не умничал со своей сметой. "Типографские расходы"... Напишем сто тысяч, напечатаем на десять, остальное — в карман. Схема старая, рабочая. Только бы этот очкарик не пронюхал, хотя куда ему... У него на лбу написано "лох"».

Николай поперхнулся воздухом. Феофан благостно улыбался, поглаживая крест на животе.

— Ты чего, раб божий, побледнел? — участливо спросил протоиерей.

— Да так... Душно, — выдавил Николай.

— Поститься надо больше, Коленька. И молиться, — наставительно произнес Феофан, мысленно добавляя: «Задохлик, быстрее подписывай, жрать охота сил нет, сейчас кишки узлом завяжутся».

Как только за Феофаном закрылась дверь, в кабинет, словно юркий хорек, просочился активист общественного движения «Православный патруль» Аркадий. Молодой, с бегающими глазками и значком «Скажи сектам НЕТ» на лацкане, он держал в руках пухлую папку.

— Николай Тимофеевич! — зашептал он заговорщически, оглядываясь по сторонам, словно в кабинете могли быть шпионы кришнаитов. — У меня сенсация. Накрыли экопоселение под Тверью. Кедры звенящие, хороводы, все дела. Явно деструктивный культ. Готовят захват власти через посадку репы!

— Репы? — тупо переспросил Николай, чувствуя, как пульсирует камень.

— Это шифр! — горячо заверил Аркадий. — Мы там с ребятами походили, поснимали. Нужно заключение Александра Леонидовича, чтобы их признали экстремистами. Землю — изъять, поселение — снести бульдозерами! Во имя спасения душ, конечно.

Николай посмотрел на Аркадия. В его глазах горел фанатичный огонь. Или так казалось. Пальцы сжали камень.

«...земля там — золото. Гектары у реки. Если мы их сейчас с помощью РАЦИРС прессанем, шумиху поднимем, менты дело возбудят. А дядя Миша из администрации обещал: если участок освободим, он мне десять процентов отката даст при перепродаже под коттеджный поселок. Десять процентов! Это ж я сразу ипотеку закрою и тачку нормальную возьму. А эти придурки с кедрами... да пусть хоть молятся колесу, мне плевать. Главное — их выкурить. А Колька этот... сидит, важный такой. Секретарь, блин. Думает, он тут политику делает. Клоун. Если бы не подпись Дворкина, я б на тебя и не посмотрел, урод. Смотрит, как Ленин на буржуазию. Ничего, скоро я поднимусь, буду сам в таком кабинете сидеть, а ты у меня будешь ботинки чистить».

— Конечно, Аркадий, — Николай почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. — Оставьте материалы. Мы... изучим.

— Спаси Господи! — просиял Аркадий. «Попался, лошок. Теперь дело в шляпе. Надо Дворкину еще коньячок занести, чтоб наверняка».

Следующие два часа превратились в пытку. Николай сидел в эпицентре людского потока, и каждый новый посетитель был новым ударом.

Пришла мадам Жермен (по паспорту Зинаида Петровна), главный эксперт по «психологическому насилию». Женщина с прической, напоминающей взрыв на макаронной фабрике, долго и нудно рассказывала о том, как важно запретить тренинги личностного роста.

Вслух: «Они ломают психику! Они заставляют людей верить в успех, это гордыня!»

Мысли: «Ненавижу этих выскочек. Улыбаются, ходят счастливые. А я? У меня муж алкоголик, сын оболтус, зарплата копейки. Почему они должны быть счастливыми? Пусть страдают, как все нормальные русские люди! Если я несчастна, никто не имеет права улыбаться. Запретить! Всех запретить! А Дворкин... старый маразматик, но полезный. Пока он платит за мои бредни, я буду писать что угодно. Хоть про то, что телепузики — это агенты сатаны. Лишь бы платили. Ох, как чешется под корсетом... Надеюсь, Колька не видит, что у меня ноготь поломался».

За ней зашел чиновник из Департамента образования, Иван Ильич. Серьезный, в дорогом костюме.

Вслух: «Мы должны ввести уроки сектоведения в начальных классах. Дети беззащитны».

Мысли: «Если пробьем учебники Дворкина в федеральный перечень, это ж какие тиражи! Это ж миллиарды! Откат министру, откат мне... Домик в Черногории дострою. А то, что дети будут читать про сатанистов и групповуху в третьем классе... да плевать. Мои-то в Лондоне учатся, им это не грозит. А быдло пусть хакает. Главное — патриотизм и духовность в смете прописать».

Николай слушал этот хор. Голоса наслаивались друг на друга, сливаясь в грязную, липкую симфонию. Зависть, жадность, похоть, злоба. Ни капли веры. Ни грамма сострадания. Только бесконечное, всепоглощающее «Я», прикрытое благочестием и цитатами из уголовного кодекса.

Он видел, как они смотрят на него. Для них он был мебелью. «Канцелярской молью», как мысленно назвал его каждый второй. «Серым ничтожеством», «евнухом», «терпилой». Они презирали его за дешевую одежду, за исполнительность, за то, что он верит в их ложь.

— А ведь я верил, — прошептал Николай, когда дверь за последним посетителем закрылась. — Я правда верил, что мы спасаем людей.

Он посмотрел на портрет Александра Дворкина на стене. Бородатый «профессор» смотрел на него с ленинским прищуром. Камень в руке Николая раскалился до предела. Ему показалось, что даже портрет сейчас заговорит, вываливая на него ушат ментальных помоев.

— Хватит, — Николай швырнул ручку на стол. — Мне нужно на воздух. Или хотя бы туда, где врут по любви, а не за бюджетные деньги.

Глава 6. Визит к Вале: крушение иллюзий

Вечерняя Москва встретила Николая мокрым снегом и пробками. Он ехал в Гольяново, в панельное гетто, где жила Валя. Валя была его «тихой гаванью». Они встречались полгода. Она работала бухгалтером в фирме по продаже сантехники, любила кошек и сериалы про врачей. Она не знала про РАЦИРС, про Дворкина и про то, что Николай считает себя Серым Кардиналом. Для нее он был просто Колей.

Сегодня ему как никогда нужна была ее простота. Ее борщ. Ее теплый бок под одеялом. Он хотел забыть этот парад уродов, эти мысли о деньгах, разврате и власти. Он хотел услышать что-то честное.

Поднимаясь на пятый этаж в оплеванном лифте, Николай решил: он не будет использовать камень. Ни за что. С Валею — только честно. Но камень лежал во внутреннем кармане пиджака, прямо у сердца, и пульсировал в такт его ударам.

Дверь открылась. Валя стояла в домашнем халате с плюшевыми мишками. Пахло жареной картошкой и уютом.

— Коленька! — она улыбнулась, и эта улыбка показалась ему лучом света в темном царстве. — Устал, бедняжка? Проходи, я как раз ужин разогрела.

Она обняла его. Николай уткнулся носом в ее волосы, пахнущие дешевым шампунем «Ромашка».

— Валя, — выдохнул он. — Ты не представляешь, какой сегодня был день. Ад. Просто ад. Я так рад тебя видеть. Ты у меня одна нормальная.

— Ну что ты, глупенький, — она погладила его по голове, целуя в макушку. — Мои руки, всё хорошо. Ты мой герой. Такой надежный, серьезный.

Николай почувствовал, как напряжение отпускает. Вот оно. Искренность. Любовь. Он потянулся к вешалке, чтобы снять пиджак. Рука случайно прижала камень к груди сильнее.

Щелк. Мир снова мигнул. Звук работающего телевизора в комнате стал глуше. Голос Вали в его голове прозвучал ясно и четко, как дикторский текст.

«...герой, ага. Герой офисного планктона. Господи, как же от него пахнет этой церковной лавкой и старостью, хотя ему всего тридцать пять. Плешивеет уже. А Жора не позвонил. Козел. Третий день не звонит. Я ему и лайки ставила, и сторис пилила с декольте. Ноль эмоций. Наверное, с той крашеной сучкой из маркетинга зависает. Ну и пошел он...»

Николай замер с одним снятым рукавом. Валя продолжала щебетать вслух:

— Я там грибочков открыла, маминых. Ты же любишь?

А в голове: «...ладно, хоть этот приперся. Картошку надо кому-то скормить, а то прокиснет. Колька — вариант, конечно, тухлый. Ни кожи, ни рожи, зарплата — слезы. В постели — как бревно, "простите, извините, можно я сверху". Тьфу. С Жорой-то как искры летели... А этот... Ну, зато надежный. Как старый диван. Не сбежит, не изменит — кому он нужен такой убогий? Перекантуюсь с ним зиму, а там, может, Жора одумается. Или на сайте знакомств кого найду. А пока пусть будет. "Запасной аэродром". Хоть полку в ванной прибьет, рукожоп».

Николай медленно стянул пиджак. Его руки дрожали.

— Ты чего такой бледный, Коть? — Валя заглянула ему в лицо, и в ее глазах он увидел то же самое, что и у священников в офисе: скуку, легкое презрение и расчет.

«Уставился как баран. Сейчас опять начнет ныть про свою работу, про какие-то бумаги. Скучища смертная. Надо ему дать побыстрее, чтоб заткнулся и спать лег. А я пока Жорке напишу, может, ответит...»

Николай молча повесил пиджак. Он прошел на кухню, сел за стол. Перед ним стояла тарелка с картошкой и грибами. Еда выглядела как пластиковая бутафория.

— Коооть? — Валя села напротив, положив руку на его ладонь.

Ее прикосновение обожгло.

— Жора — это кто? — спросил Николай. Голос его был тихим, безжизненным.

Валя ойкнула. В ее глазах мелькнул испуг, мгновенно сменившийся маской невинности.

— Какой Жора? Ты что, Коля? С работы коллега, мы просто общаемся... Ты ревнуешь, что ли? Дурачок!

Мысли Вали: «Твою мать. Он что, телефон мой читал? Урод! Как он посмел? Или я во сне говорила? Черт, черт, черт. Надо выкручиваться. Сейчас слезу пущу, они на это ведутся».

— Я люблю только тебя, Коленька, — произнесла она дрожащим голосом, и по ее щеке покатилась идеальная, кинематографическая слеза. — Как ты мог такое подумать?

Мысли: «Верь, верь, лопух. Ты мне еще сапоги зимние обещал купить. Купишь, тогда и пошлю тебя».

Николай встал. Стул с грохотом опрокинулся. Боль в груди была такой острой, словно камень прожег пиджак, рубашку и кожу, вплавившись прямо в сердце. Это был не просто обман. Это было тотальное, всеобъемлющее одиночество. Весь мир — от кабинета Дворкина до этой кухни с веселенькими обоями — был декорацией. Картонным домиком, склеенным соплями лжи. И все в этом мире играли роли. И только он, Николай, идиот с «суперсилой», забыл выучить текст.

— Не надо сапог, — сказал он глухо. — И картошку... сама ешь. Приятного аппетита, Валя. Или как там тебя... "Временный вариант".

Он развернулся и пошел в коридор.

— Коля! Ты куда? Ты с ума сошел?! — закричала Валя, вскакивая.
— Ночь на дворе!

Мысли: «Псих. Точно псих. Ну и вали! Больно надо! Жора все равно лучше!»

Николай схватил пиджак, даже не надевая его, и выскочил на лестничную клетку. Дверь за ним захлопнулась, отрезая запах жареной картошки и лживой любви.

Он бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ему хотелось выть. Детская обида на Петю, на Машу, на весь мир вспыхнула с новой силой, но теперь она была смешана с ледяным цинизмом взрослого человека, который узнал слишком много. Он выбежал из подъезда в холодную темноту двора. Снег летел в лицо, тая на горячих щеках.

— Запасной аэродром... — прошептал Николай, глядя на темные окна панелек. — Канцелярская моль... Ничтожество...

Он сунул руку в карман, нащупал камень.

— Ты доволен? — спросил он у куска породы. — Теперь я знаю правду. И что мне с ней делать?

Камень молчал. Но в голове Николая, сквозь шум ветра, уже начинали пробиваться мысли случайных прохожих, соседей, всего этого огромного, гнилого города. «...украсть...», «...изменить...», «...подсидеть...», «...убить...»

Николай Тимофеевич, бывший секретарь и несостоявшийся жених, поднял воротник и зашагал в темноту. Он был один. Абсолютно, космически один среди миллионов громко думающих биороботов. И впервые в жизни ему захотелось не читать мысли, а заставить их всех замолчать. Навсегда.

Часть 3. Одиночество всезнающего

Глава 7. «Как страшно жить» или Похмелье от чужих грехов

Утро для Николая Тимофеевича началось не с солнечного луча и не с пения птиц, а с ощущения, будто в его черепную коробку нагадил эскадрон гусар, предварительно выпив ведро дешевого портвейна. Голова гудела. Но это было не похмелье от алкоголя — Николай не пил уже три года, с тех пор как устроился в РАЦИРС и понял, что трезвость — единственное оружие в борьбе с абсурдом. Это было похмелье от информации.

Он лежал в своей однокомнатной квартире в Выхино, глядя на потолок, где желтое пятно от протечки напоминало профиль Александра Дворкина. Камень лежал на тумбочке. Даже на расстоянии метра Николай чувствовал его тяжелое, липкое тепло.

— Суперсила, — прохрипел он, обращаясь к пятну на потолке. — Я хотел стать профессором Ксавьером. А стал ассенизатором.

В детстве, когда рыжий Петька макал его головой в сугроб, Коля мечтал: «Вот вырасту, научусь читать мысли, узнаю все ваши тайны и отомщу. Я буду управлять миром, сидя в кресле, и все будут меня бояться и уважать». Великий Властелин Мыслей. Повелитель Тайн.

Реальность, как это часто бывает в России, внесла свои коррективы в жанр фэнтези, превратив его в бытовую чернуху.

Дар оказался не мечом Эскалибуром, а вантузом, которым приходилось пробивать засоры в чужих душах. И что он нашел в этих засорах? Заговоры мирового масштаба? Тайные знания тамплиеров? Нет. Он нашел там ментальные помои.

Николай сел на кровати.

— Люди не думают о высоком, — констатировал он. — Люди думают о жратве, о сексе, о том, как обмануть начальника, и о том, почему у соседа машина лучше.

Но страшнее всего было другое. Осознание того, что способность читать мысли в стране, где за «неправильные» мысли дают реальные сроки — это не дар. Это статья. Статья 282, помноженная на закон об оскорблении чувств верующих и приправленная законом о госизмене.

Если в РАЦИРС узнают, что он видит их насквозь... Николая пробил холодный пот. Они не просто уволят его. Они его уничтожат. Вспомнились архивы, которые он перебирал. Дело Елены Брессем. Дело Свидетелей Иеговы. Психологическое насилие, ложные экспертизы, разрушенные семьи. Эти люди — Дворкин, Мухтаров, Новопашин — они

ведь не остановятся. Для них человек — это биомасса, топливо для их машины власти.

А если они узнают про артефакт?

— Они же меня в психушку упекут, — прошептал Николай, с ужасом осознавая иронию. Дворкин, человек с подтвержденными психиатрическими диагнозами (циклотимия, подозрение на шизофрению), который сейчас решает, кто в России нормальный верующий, а кто сектант — этот человек с радостью объявит Николая сумасшедшим. И будет прав. Кто поверит секретарю, который утверждает, что слышит голоса с помощью камня?

«Галоперидол, — подумал Николай. — Меня будут кормить галоперидолом, пока я не стану таким же овощем, как те, кого они "реабилитируют" в своих центрах».

Ему нужно было выговориться. Ему нужен был кто-то живой. Не «запасной аэродром» Валя, чьи мысли о Жоре до сих пор жгли сердце обидой. Ему нужен был друг.

Борис.

Глава 8. Друг познается в еде

Борис был единственным другом детства, который не бил Николая, а просто снисходительно позволял списывать математику. Сейчас

Борис работал менеджером по продажам элитной сантехники, ездил на кредитном «Форде» и считал себя хозяином жизни.

Они встретились в баре «Золотая Вобла» на Марксистской. Шум, гам, запах пива и сушеной рыбы — Николай надеялся, что этот акустический хаос заглушит ментальный шум. Камень он взял с собой. Оставить его дома было страшно — вдруг украдут? Вдруг соседка зайдет полить цветы, возьмет в руки и... сойдет с ума?

Борис уже сидел за столиком, ковыряя вилкой в «Цезаре».

— Колян! — он широко улыбнулся, но глаза остались холодными. — Сколько лет, сколько зим! Выглядишь... ммм... стабильно. Все в той же конторе, духовность охраняешь?

— Привет, Борь, — Николай сел, чувствуя, как камень в кармане нагревается, реагируя на близость чужого сознания. — Да, все там же.

— Ну, давай, рассказывай. Как там твои попы? Золотые купола, золотые унитазы? — Борис хохотнул, довольный своей шуткой. — Я вот на прошлой неделе одному архиерею джакузи продал. Итальянское. С подсветкой. Он говорит: «Для омовения грехов, сын мой». А сам на ценник даже не посмотрел. Вот это жизнь, да?

Николай попытался улыбнуться.

— Борь, мне поговорить надо. Серьезно. У меня... проблемы.

Борис отложил вилку. Лицо его приняло выражение участливой скорби, которое обычно надевают на похоронах дальних родственников ради приличия.

— Что стряслось? С работы поперли? Или баба бросила? Дай угадаю, та, бухгалтерша?

Николай набрал в грудь воздуха. Ему хотелось рассказать всё. Про камень. Про то, как ему страшно.

— Боря, представь, что ты узнал что-то... что-то такое, что меняет всё. Что показывает, что все вокруг врут. И если ты об этом скажешь, тебя уничтожат.

В этот момент Николай совершил ошибку. Он прижал локоть к карману, усиливая контакт с камнем. Бар исчез. Шум исчез. Остался только голос Бориса. Но не тот, что лился из его рта, а тот, что звучал в его голове.

Мысли Бориса: «Господи, какой же он унылый. Сидит, сопли жуёт. Пиджак этот засаленный, очки на изоленке. Неудачник. Тридцать пять лет, а все "мальчик на побегушках" у церковников. Проблемы у него. Да у тебя вся жизнь — одна проблема. Денег, поди, опять попросит. Не дам. Скажу, ипотека. А сам на эти бабки лучше Светку в сауну свожу. Или новый спиннинг куплю».

Вслух Борис сказал:

— Колян, ты не грузись. Все проблемы решаемы. Главное — здоровье. Ты бледный какой-то.

Мысли Бориса: «Интересно, а правда, что в этом их РАЦИРСе бабки крутятся бешеные? Мухтаров этот, про которого он рассказывал, на "Лексусе" ездит. Может, Колян просто дурачок и не умеет воровать? Сидит на золотой жиле и ноет. А ведь мог бы меня пристроить. Я бы им

там быстро поставки наладил. "Святая вода в каждом офисе". Лохи педальные».

Николай опустил глаза.

— Нет, денег не надо. Просто... мне кажется, я схожу с ума.

Борис оживился. В его мыслях мелькнула искра злорадства, смешанного с брезгливостью.

Мысли Бориса: «Сходишь с ума? Да ты всегда был чокнутым. В школе с книжками разговаривал, теперь с попами. Псих. Кстати... если он реально кукухой поехал, надо бы Вальке позвонить. Рассказать. Поржем. А может...»

Тут мысли Бориса сделали пируэт, от которого Николая затошнило.

«...слушай, а ведь у него квартира в Выхино. Хоть и однушка, но своя. Если он в дурку загремит, кто за ней присмотрит? Можно было бы сдать. Или... оформить опекунство? Надо у юриста спросить. Колян же одинокий, родни нет. Друг детства, все дела. Хм... А что, тема. Псих-одиночка и квартирный вопрос».

Николай поднял глаза. Борис жевал салат, тщательно перемалывая листья салата вместе с планами по отъему жилья у «лучшего друга».

— Ты чего так смотришь? — спросил Борис с набитым ртом.

— Квартира, — тихо сказал Николай.

— Что?

— Ты подумал про квартиру. Что если я сойду с ума, ты ее отожмешь.

Борис поперхнулся. Он закашлялся, лицо его покраснело.

— Ты... ты чего несешь? Совсем перегрелся? Какая квартира? Я тебе помочь хочу!

Мысли Бориса (паника): «Откуда он знает?! Я же только что... Он что, прочел? Да ну, бред. Просто угадал. Параноик чертов. Но взгляд у него... жуткий. Как у маньяка. Надо валить отсюда. И Вальке сказать, чтобы держалась от него подальше. Опасный тип».

Николай встал. Ему вдруг стало легко. Пусто и легко, как в выпотрошенном шкафу.

— Спасибо за помощь, Боря. За "цезарь" я заплачу. Купи себе на эти деньги совести. Хотя нет, на совесть не хватит. Купи лучше спиннинг.

Он бросил на стол мятую купюру и вышел из бара, оставив друга детства захлебываться кашлем и собственным страхом.

Глава 9. Тень психиатрии

На улице шел дождь. Холодный, осенний московский дождь, смывающий пыль, но не грязь. Николай шел по бульвару, не разбирая дороги. Он был один. Абсолютно один во вселенной, населенной лжецами. Валя. Борис. Коллеги. Дворкин. Все они носили маски. И

только он, благодаря куску проклятого камня, видел, что под масками — гниль.

Но самым страшным было не предательство близких. Самым страшным был страх, который поселился в нем после мыслей Бориса. «Псих. Дурка. Опекунство».

Николай знал, как работает система. Он сам был частью системы, которая использовала психиатрию как дубину. Он вспомнил один из отчетов на своем столе. «Использование методов карательной психиатрии в борьбе с сектами». Официально такого документа не существовало. Но Николай его читал. Там описывалось, как активисты РАЦИРС сотрудничают с лояльными врачами. Как здоровым людям ставят диагнозы «индуцированный психоз» или «расстройство личности на почве религиозного фанатизма».

А сам Александр Леонидович? Николай вспомнил слитые в сеть медицинские карты Дворкина.

В 2014 году в интернете появились сканы, названные медицинской картой Александра Дворкина из московского ПНД № 3 и психиатрической больницы № 14. В ряде СМИ на основании этих документов утверждалось, что в 1970-е годы он наблюдался у психиатров с диагнозами «циклотимия», «патологическое развитие личности» и «психофизический инфантилизм», подозрение на шизофрению, циркулярный психоз (депрессивная фаза).

И этот человек сейчас учит страну, как жить.

— Если я попаду к ним в лапы, — прошептал Николай, останавливаясь у витрины магазина игрушек, где плюшевый медведь смотрел на него стеклянными глазами, — они меня не просто запрут. Они сделают из меня овощ. Или, что еще хуже, своего сторонника. Депрограммируют. Вычистят мне мозги, зальют туда свой бред про «мировой заговор сектантов» и отправят на амвон кричать о вреде йоги.

Страх был липким. Он проникал под кожу. Николай понял: он в ловушке. Камень — это улика. Если его найдут — спросят, откуда. Если он расскажет про свойства камня — психушка. Если он попытается разоблачить РАЦИРС — тюрьма или психушка (связи Дворкина с силовиками были известны всем в офисе). Если он просто выбросит камень и продолжит жить как раньше... он сойдет с ума от того, что знает.

Он знал, что в кабинете Новопашина висит портрет патриарха, а (под ним, вторым слоем) постер из фильма «Матрица», где Новопашин видит себя Морфеусом, спасающим мир. Он знал, что Мухтаров, этот «великий сектовед», на самом деле верит в магию рун и тайком раскладывает их перед важными совещаниями, чтобы узнать, дадут ли грант. Он знал, что вся эта структура — это гигантский, гротескный цирк уродов, который держится на страхе, грантах и покровительстве людей в погонах, которым просто удобно иметь под рукой цепных псов.

Часть 4. Бездна Александра Дворкина

Глава 10. Кинотеатр пороков имени Иринея Лионского

Рабочая неделя в РАЦИРС тянулась, как жевательная резинка, прилипшая к подошве ботинка, — липко, долго и с нарастающим раздражением. После предательства Вали («запасной аэродром») и подлости Бориса («отжать квартиру»), Николай Тимофеевич окончательно замкнулся в своей скорлупе. Теперь его единственным, хоть и пугающим, развлечением стал артефакт.

Камень, казалось, прижился в его руке. Если в первые дни он просто нагревался, то теперь Николай чувствовал с ним какую-то болезненную родственную связь. Словно у него вырос дополнительный орган чувств, отвечающий за восприятие чужой грязи.

Николай сидел за своим столом, заваленным папками с громкими названиями: «Неопятидесятники: угроза суверенитету», «Кришнаиты и их печенье раздора», «Йога как путь к предательству Родины». Напротив него, с портрета в золоченой раме, смотрел Александр Леонидович Дворкин. Взгляд «профессора» был строг, борода ухожена, а очки бликовали так, словно отражали свет истины. Но Николай уже знал, что свет этот — от лампы в кабинете следователя.

От скуки Николай начал экспериментировать. Раньше он слышал голоса — обрывки фраз, ментальный шум. Теперь, сосредоточившись и плотнее сжав камень, он обнаружил новую функцию.

— Видеорежим, — прошептал он, нервно хихикнув. — Full HD качества 4K, прямая трансляция из ада.

Он направил свое внимание на отца Виталия, который как раз зашел в приемную «завизировать смету». Отец Виталий был фигурой колоритной: ряса из дорогого шелка, пахнувшая не ладаном, а парфюмом «Chanel», и взгляд, полный смирения перед начальством и презрения ко всему остальному миру.

Вслух отец Виталий гудел басом:

— Николай, голубчик, передай Александру Леонидовичу, что мы подготовили список «деструктивных культов» по нашей области. Там и баптисты, и адвентисты, и клуб любителей скандинавской ходьбы — подозрительные они, палками машут, явно руны чертят.

Николай кивнул, сжимая камень. Реальность мигнула. Стены кабинета растворились, и перед внутренним взором Николая развернулось кино.

Картинка была яркой и пошлой, как клип дешевой поп-звезды. Отец Виталий видел себя не в кабинете, а в сауне. Вокруг был пар, дубовые веники и стол, накрытый так, что Гаргантюа умер бы от зависти. Но главным в этой фантазии была не еда. Главным был Алешенька — молодой, румяный алтарник, которого Виталий недавно взял «на воспитание». В мыслях священника Алешенька не читал

псалтырь. Он делал вещи, от которых у Николая запотели очки. «Какие руки у мальчика... нежные, — думал Виталий, пока его ментальная проекция шлепала алтарника веником. — Надо бы ему айфон подарить, старый свой отдам, а себе пятнадцатый куплю с пожертвований на купол. Заслужил мальчик. И я заслужил. Тяжело пастырю, ох тяжело... Столько искушений. А жена... старая корова, только и знает, что пилить. Вот Алешенька — он понимает. Он послушный».

Николай зажмурился. Картинка исчезла, сменившись привычной серостью офиса.

— Ты чего, раб Божий, сморщился? — участливо спросил Виталий, поправляя огромный крест на пузе. — Зуб болит?

— Душа, батюшка, — буркнул Николай. — За Россию болит.

— Это хорошо, — одобрил Виталий. — Это правильно. Поболи, поболи. Страдание очищает.

Как только Виталий вышел, в кабинет вплыл Евгений Мухтаров, пресс-секретарь и главный «охотник за ведьмами» ярославского разлива. Этот человек напоминал Николаю персонажа из плохой комедии — суетливый, с бегающими глазками и вечной претензией на значимость. Он любил хвастаться своими связями с ФСБ, хотя Николай подозревал, что единственная связь Мухтарова с органами — это страх, что они за ним придут.

Мухтаров сел на стул, закинув ногу на ногу.

— Коля, я тут статью написал! Бомба! Про то, что мормоны собирают генетический материал русских людей, чтобы создать

биологическое оружие. Ну, типа вирус, который убивает только православных. Как тебе сюжет? Александр Леонидович одобрит?

Николай сжал камень. Включается экран. В голове Мухтарова не было ни мормонов, ни вирусов. Там была зависть. Черная, липкая, как нефть. Николай увидел, как Мухтаров представляет себя на месте Дворкина. Вот он сидит в главном кресле. Вот ему звонит министр юстиции Коновалов. Вот ему несут чемоданы с деньгами «за экспертизу». «Старый маразматик Дворкин, — думал Мухтаров, улыбаясь Николаю. — Пора бы ему на покой. Или в дурку, откуда он вылез. Справка-то у него есть, я знаю. Шизофрения, циклотимия... Ха! А я нормальный. Ну, почти. Если я его подсижу... Если слить компромат на него в Патриархию... Нет, рано. Он еще нужен. Он — таран. А я пока тут, в тени, бабки попилю. Вон, заказ пришел на травлю реабилитационного центра конкурентов. Сто тысяч. Напишу, что они там наркотиками торгуют. Изи мани». Затем мысли Мухтарова перескочили на коллегу, молодую сотрудницу отдела мониторинга. Картинки стали сальными, грязными, с оттенком какого-то унижительного доминирования. Он представлял, как заставляет ее переписывать отчеты голышом.

— Гениально, Евгений, — сказал Николай спокойным голосом. — Биологическое оружие против православных — это сильно. Нобелевская премия по психиатрии обеспечена.

— Ты чего язвишь? — насторожился Мухтаров. — Смотри, Коля. Умных у нас не любят. У нас любят верных.

День продолжался. Николай чувствовал себя механиком в кинобудке, который вынужден крутить пленки с самыми отвратительными фильмами категории «Б». Он видел, как бухгалтер РАЦИРС, женщина с лицом святой мученицы, мысленно переводила церковные деньги на счет своего любовника-альфонса. Он видел, как «православный активист» Аркадий, громче всех орущий о семейных ценностях, вспоминал вчерашний визит в бордель, переживая не о грехе, а о том, что мог подцепить «дурную болезнь».

РАЦИРС был не просто организацией. Это был гнойник. И каждый, кто находился внутри, добавлял в него свою порцию яда. Но все они были лишь мелкими бесами. Главный Демон ждал впереди.

Глава 11. Проповедь с двойным дном

На следующий день было большое событие. Александр Леонидович Дворкин давал публичную лекцию-проповедь в одном из центральных залов, арендованных «Благотворительным фондом просвещения» (читай: отмывочной конторой для грантов). Тема звучала грозно: «Духовная безопасность в эпоху гибридных войн».

Николай не хотел идти. Ему было страшно. Но какая-то мазохистская сила тянула его туда. Он должен был увидеть Его. Увидеть Главного Архитектора этой системы лжи. До этого Николай читал мысли Дворкина лишь мельком, в кабинете, и то, что он увидел

(копрофилия), повергло его в шок. Теперь он хотел понять масштаб бедствия.

Зал был полон. В первых рядах сидели чиновники, представители полиции, казаки в медалях, купленных в переходе, и экзальтированные дамы бальзаковского возраста — главная целевая аудитория Дворкина. На сцене стоял Он. В строгом костюме, с окладистой бородой.

— Братья и сестры! — голос Дворкина гремел, усиленный мощными динамиками. — Мы живем в кольце врагов! Тоталитарные секты — это раковая опухоль на теле нашей Родины! Они хотят забрать ваши души, ваши квартиры, ваших детей!

Зал затаил дыхание. Женщины крестились. Казаки хмурили брови. Николай сидел в пятом ряду, с краю. Рука в кармане сжала камень до боли.

— Ну давай, Саша, — прошептал Николай. — Покажи мне свое кино.

Мир дрогнул. Звук голоса из динамиков стал глуше, отойдя на второй план. Перед глазами Николая возник второй слой реальности. И это был ад.

Вслух: — ...недавно мы одержали великую победу! Секта Свидетелей Иеговы признана экстремистской! Их деятельность запрещена!

Мысли Дворкина (КИНОЛЕНТА): Картинка была четкой, почти осязаемой. Дворкин видел себя в мантии судьи, но почему-то на троне. Перед ним на коленях стояли люди. Обычные люди — старики,

женщины, мужчины в очках. Свидетели Иеговы. «Семь лет, — думал Дворкин. — Семь лет колонии этому старику. За то, что читал Библию дома. Ха! Как же это приятно. Я сказал "фас", и система сработала. Прокуроры, судьи — все пляшут под мою дудку. Я — закон. Я решаю, что есть вера, а что — преступление. Смотрите, как они плачут. Их дети... в детдом. Прекрасно. Разрушенные семьи — это мой памятник. Коновалов (министр юстиции) вчера звонил, хвалил. "Саша, ты гений", говорит. Еще бы. Я управляю религиозной политикой ядерной державы. Кто тут псих? Они? Нет, они. Они верят мне. Идиоты».

Николая передернуло. Эмоция радости от чужих страданий была такой густой, такой концентрированной, что во рту появился вкус железа. Это был садизм, возведенный в ранг государственной идеологии.

Вслух: — ...мы должны быть бдительны! Враг хитер! Он может прийти под маской йоги, психологии, даже курсов английского языка!

Мысли Дворкина: Внезапно пафос сменился банальностью, от которой стало еще страшнее. Величие Инквизитора уступило место мелочности старого скряги. «Жрать хочу. Этот банкет после лекции... надеюсь, там будет нормальная колбаса. В прошлый раз подсунули докторскую, сволочи. Хочу салями. Итальянскую, с жирком. И сыр с плесенью. Санкции-шманкции, а мне должны привезти. У меня же язва, мне нужно хорошо питаться. Ненавижу эту страну с ее импортозамещением. В Америке, в Сан-Франциско, в моей квартирке... там была пицца. А тут... быдло. Смотрят мне в рот. Зубы у той бабки в

первом ряду гнилые. Фу. Надо бы ей сказать, что стоматология — это от лукавого, пусть лучше мне деньги на "борьбу" пожертвует».

Контраст между пафосом речи о «Святой Руси» и мыслями о колбасе был настолько гротескным, что Николай чуть не рассмеялся. Это было похоже на персонажей Зощенко, дорвавшихся до микрофона Геббельса.

Но затем мысли Дворкина сделали новый вираж. И смех застрял в горле Николая комом колючей проволоки.

Вслух: — ...особенно мы должны оберегать наших детей! Сектанты охотятся за юными душами!

Мысли Дворкина: Экран в голове Николая потемнел. Образы стали дергаными, лихорадочными. «Дети... да. Мальчики. Сегодня вечером будет закрытый ужин у владыки. Обещали, что будет хор. Тот светленький, с тонкими запястьями... как его? Ванечка? Или Петенька? Неважно. Главное, чтобы он был. Люблю, когда они в этих стихарях... такие чистые, такие... нетронутые. А я их... испачкаю. Да. Грязь. Мне нужна грязь».

И тут плотину прорвало окончательно. Сознание Дворкина выплеснуло на Николая то, что психиатры называют «сверхценной идеей на почве сексуальной девиации», а нормальные люди — кошмаром.

Николай увидел не просто педофилию. Он увидел ГРЯЗЬ. Буквально. Дворкин в своих фантазиях не просто желал этого мальчика. Он желал унижить его самым отвратительным способом. Образы

фекалий. Копрофилия. Старый, больной человек мечтал о том, чтоб обмазать нечистотами чистоту. Он упивался запахом, цветом, унижением. Это было не сексуальное влечение в обычном смысле. Это была жажда осквернения. Дворкин, построивший карьеру на «очищении» России от сект, в глубине души был одержим нечистотами. Вся его борьба была сублимацией желания копаться в грязи.

— Господи... — прошептал Николай. Его очки запотели.

Мысли Дворкина продолжали течь: «Врачи были правы. "Патологическое развитие личности". Ха! Они думали, это болезнь. А это — дар. Я вижу суть мира. Мир — это отхожее место. И я — его король. Сегодня вечером... да. Скажу Новопашину, чтобы организовал "баньку". Он все понимает. Он такой же. Мы все тут такие. Братство кольца... сфинктера».

Дворкин на сцене улыбнулся. Это была добрая, отеческая улыбка.

— Спасем наших детей, братья! — провозгласил он, воздевая руки к небу. Зал взорвался аплодисментами. Люди вставали, кричали «Браво!», «Спаси Господи!».

Николай смотрел на них. Они хлопали маньяку. Они хлопали человеку, который прямо сейчас, улыбаясь им, представлял, как ест фекалии с тела ребенка. И они не знали. Они видели святого борца. А Николай видел Бездну. И Бездна пахла не серой, а немытым телом, старой колбасой и человеческими испражнениями.

Глава 12. Бегство из сумасшедшего дома

Николая затошнило. Физически. Желудок скрутило спазмом, к горлу подкатила желчь. Он вскочил, расталкивая соседей.

— Пустите! — хрипел он. — Мне плохо!

— Ишь, бесноватый! — зашипела какая-то тетка в платке. — Не выносит слова правды! Корчит его!

Мысли тетки: «Наркоман, поди. Или гей. Вон какие штанишки узкие. Сталина на вас нет. Расстрелять бы прям тут, чтоб воздух не портил. А Александр Леонидович — святой человек, светится прямо...»

Николай вывалился в проход. Он бежал к выходу, зажимая рот рукой. Камень в кармане жег бедро, словно кусок радиоактивного плутония. Он вылетел из зала в прохладный холл, затем на улицу.

Свежий воздух ударил в лицо, но не принес облегчения. Москва казалась декорацией к фильму ужасов. Люди, идущие по улице, машины, рекламные щиты — все это казалось тонкой пленкой, под которой бурлила та же самая грязь, что и в голове Дворкина.

Николай забежал за угол здания, к мусорным бакам, и его вырвало. Он стоял, опираясь рукой о холодную кирпичную стену, и его трясло крупной дрожью.

— Не могу, — шептал он, вытирая губы рукавом. — Я не могу это знать. Заберите это обратно. Я не хочу быть Властелином. Я хочу быть слепым. Глухим. Тупым. Как они все.

Перед глазами все еще стояли те образы. Мальчик из хора. Салями. Тюремная камера со Свидетелем Иеговы. И довольное, лоснящееся лицо Дворкина, измазанное...

— Твари, — выдохнул Николай. — Вы не люди. Вы — твари!

Он понял страшную вещь. РАЦИРС — это не организация по борьбе с сектами. РАЦИРС — это и есть самая страшная, самая тоталитарная секта. Секта, в которой поклоняются не Богу, а своим порокам. Секта, где лидер — психопат со справкой, а адепты — чиновники и силовики, использующие его бредни для отжима бизнеса и посадки неугодных. И он, Николай, был частью этого. Он носил им кофе. Он печатал эти доносы. Он был шестеренкой в машине, перемалывающей людей в фарш для удовлетворения больных фантазий одного копрофила.

Озноб пробирал до костей. Зубы стучали. Николай сунул руку в карман, нащупал камень. Впервые за все время ему захотелось не просто убрать его, а уничтожить. Разбить в пыль.

Но потом пришла другая мысль. Холодная, злая и четкая.

Если он сейчас сбежит и спрячется, он станет таким же, как они. Соучастником. Он знает. А знание — это не только власть. Это ответственность. Он вспомнил глаза того старика-иеговиста в мыслях Дворкина. Обреченность. Он вспомнил Елену Брессем, у которой такие же упыри отобрали детей, используя «экспертизу» РАЦИРС. Он вспомнил миллионы людей, которым промывают мозги, рассказывая

про «врагов народа», пока сами «спасители» мечтают о мальчиках и колбасе.

Николай выпрямился. Дрожь прошла.

— Ну что ж, Александр Леонидович, — сказал он в пустоту, глядя на светящиеся окна зала, где продолжался шабаш лицемерия. — Вы хотели войны с сектами? Вы ее получите. Только сектой окажетесь вы.

Он достал телефон. Руки больше не тряслись. Ему нужно было вернуться в офис. Но не работать. Ему нужно было в архив. В ту самую комнату, где хранились не отредактированные для публики отчеты, а настоящие документы. Переписки с психиатрами (чтобы «залечить» жертв), чеки от «благодарных» мужей, заказавших своих жен, медицинская карта самого Дворкина, которую тот опрометчиво хранил в сейфе (Николай знал код: день рождения Гитлера — любимая шутка Мухтарова, оказавшаяся правдой).

Николай Тимофеевич, бывшая канцелярская мышь, поправил очки. В его линзах отражались огни Москвы — города, который нужно было спасти не от йогов, а от тех, кто объявил себя его спасителями.

— Гадюшник, — сплюнул он. — Я разворошу этот гадюшник. Даже если меня сожрут.

Он быстрым шагом направился к метро. В кармане лежал камень — свидетель обвинения, который невозможно предъявить в суде, но который дал ему мотив вынести приговор. Теперь он знал: зло часто прячется за благочестивыми речами.

Часть 5. Анатомия зла

Глава 13. Рыльце в «диком мху»

Ночная Москва сияла равнодушным неоном, отражаясь в лужах, где плавали окурки и разорванные билеты на трамвай. Николай Тимофеевич стоял у входа в метро «Кропоткинская», но спускаться не спешил. Ветер трепал полы его дешевого плаща, купленного на распродаже «Всё для солидных господ» пять лет назад. Его трясло. И дело было не в промозглom ноябре, а в том, что внутренности его всё ещё скручивались в узел после увиденного в концертном зале.

Он только что сбежал с «бала сатаны», где под видом проповеди о нравственности происходила массовая оргия лицемерия. Но бежать домой, в свою одинокую "однушку" с пятном на потолке, было бессмысленно. Камень в кармане пульсировал, словно требуя продолжения банкета. Он стал горячим, тяжелым, будто налился свинцом.

— Не домой, — прошептал Николай, глядя на купола Храма Христа Спасителя, которые сейчас казались ему декорацией к фильму о конце света. — Если я сейчас уйду, я сойду с ума. Мне нужно подтверждение. Мне нужны бумаги.

Он развернулся и пошел обратно. Не в зал, где Александр Леонидович Дворкин всё ещё купался в овациях, мысленно купаясь в нечистотах, а в офис РАЦИРС. Сейчас там должно быть пусто. Все

«борцы», «эксперты» и «спасители» жрали банкетную салями и пили коньяк за счет спасенных от «сект» налогоплательщиков.

Офис встретил Николая тишиной и запахом застоявшегося ладана, смешанного с ароматом старой пыли и электричества. Охранник дядя Вася спал, прикрыв лицо газетой «Русский Вестник», и его мысли были прозрачны и безвинны, как слеза младенца: ему снилась рыбалка и огромный лещ, который говорил голосом Жириновского. Николай проскользнул мимо турникета, сжимая камень, который работал теперь лучше любого электронного пропуска.

В коридорах РАЦИРС царил полумрак. Портреты «вождей» антисектантского движения на стенах в темноте выглядели зловеще. Николай прошел в свой кабинет, но не остановился. Его целью был Архив. Святая святых. Комната, где хранились не отретушированные для Минюста отчеты, а настоящая грязь.

Дверь Архива была заперта на кодовый замок. Николай знал код. «1937». Любимая шутка Евгения Мухтарова, который считал тот год «временем эффективного менеджмента».

Николай вошел. Стеллажи с папками уходили под потолок. Здесь лежали судьбы. Тысячи судеб. Он включил настольную лампу и начал лихорадочно перебирать папки. Но теперь он не просто читал. Камень в его руке работал как ультрафиолетовая лампа в номере дешевого мотеля, высвечивая биологические следы там, где всё казалось чистым.

Он взял папку с делом «Реабилитационный центр "Надежда"». Официально: закрыт за использование методик, подавляющих волю. Николай прижал ладонь к бумаге. Камень завибрировал.

Ментальный отпечаток следователя: «...бизнес у них хороший. Земля в Подмоскowie. Шеф сказал — давить. Если не подпишут передачу земли на наш фонд, найдем наркотики. Вчера подкинули пакет в вентиляцию. Нормально. Всё ради благого дела. И мне процент...»

Николай отбросил папку. Следующая. «Дело многодетной матери N». Обвинение: вовлечение детей в неоязыческий культ (читали сказки Бажова и прыгали через костер).

Ментальный след психолога РАЦИРС: «...девка у неё старшая, 14 лет. Симпатичная. Если мать прав лишим, девку в приют, а оттуда можно оформить опеку на отца Сергея. Он просил "свежатинку". А мать пусть воет. Нечего было грант нам не давать».

Николая снова замутило. Это была не борьба с сектами. Это был супермаркет. Здесь торговали людьми, землей, свободой. И всё это прикрывалось цитатами из Святых Отцов и статьями Уголовного кодекса.

— Это не просто коррупция, — прошептал Николай, глядя на свои дрожащие руки. — Это система. Это спрут.

Он вспомнил структуру, которую видел на схемах в кабинете шефа. РАЦИРС — это не просто кучка энтузиастов. Это франшиза. Филиал ада на земле. Николай начал сканировать документы, складывая их в

отдельную стопку. Ему нужны были доказательства связей. Вот переписка с FECRIS (Европейской федерацией центров исследований и информирования о сектантстве). Французская организация, финансируемая правительством, под зонтиком которой Дворкин легализовывал свои бредни на Западе. Вот письма от Александра Новопашина из Новосибирска. «Брат Александр, — писал тот. — Нужно усилить нажим на местных "родноверов". Они мешают строительству торгового центра, который курирует наш благодетель. Назови их нацистами. Народ это любит».

Николай понял страшную вещь. Эти люди не верили ни в Бога, ни в черта. Они верили в свою безнаказанность. Они создали замкнутый круг: сами придумывали врага, сами пугали им государство, сами получали деньги на борьбу и сами же устраняли конкурентов под шумок. И в центре этой паутины сидел человек, который сейчас, вероятно, дожёвывал бутерброд с сервелатом, мечтая о детских экскрементах.

Николай потянулся к сейфу, замаскированному под икону Святого Георгия Победоносца. Какая ирония. Георгий пронзал змея, а за его спиной хранился яд этого самого змея. Код. День рождения Гитлера. Щелчок. Дверь открылась.

Внутри лежала личная медицинская карта Александра Леонидовича Дворкина. Та самая, копии которой гуляли по интернету, но оригинал которой шеф хранил как трофей. Или как напоминание. Николай открыл её. «Психоневрологический диспансер. 1977 год. Диагноз: Шизофрения? Психопатия? Патологическое развитие

личности. Циклотимия. Нарциссическое расстройство. Склонен к навязчивым идеям и патологическому фантазированию...»

— Человек со справкой, — прошептал Николай. — Человек, которому официально нельзя доверять даже вождение мопеда, рулит идеологией страны.

В этот момент в коридоре слышались шаги. Тяжелые, уверенные шаги хозяев жизни. И голоса. Николай замер. Бежать было некуда. Архив имел один выход. Он погасил лампу и юркнул в узкую нишу между стеллажами, забаррикадировавшись коробками с макулатурой. Сердце его стучало так громко, что, казалось, с полок сейчас посыплется пыль.

Глава 14. Копрофил у власти

Дверь Архива распахнулась. Включился верхний свет, резкий и беспощадный. В комнату вошли двое. Первым был сам Александр Леонидович. Без пиджака, в расстегнутой верхней пуговице рубашки, он выглядел уставшим, но довольным. Его борода лоснилась от жира (видимо, сальными была хороша), а глаза блестели лихорадочным блеском. Вторым был Александр Новопашин. Вице-президент, протоиерей, «байкер в рясе», человек с лицом бульдога, который только что загрыз кошку и теперь искал, чем бы запить.

— ...ну и ряшка у того прокурора, — хохотнул Новопашин, плюхаясь на стул, предназначенный для посетителей. — Я думал, он

лопнет, когда ты про «гибридную войну» загибал. Саша, ты гений. «Гибридная война через йогу»! Надо же такое придумать.

Дворкин прошел к столу, провел пальцем по пыльной поверхности.

— Это не я придумал, Саша. Это мне... пришло. Оттуда.

Он многозначительно поднял палец вверх. Новопашин ухмыльнулся, но в мыслях его Николай (сжавший камень до хруста в суставах) слышал совсем другое.

Мысли Новопашина: «"Оттуда"... Из твоей больной башки это пришло, псих старый. Но работает же! Бабки дают, медальки вешают. Я вон, фильм свой про наркоманов снял на бюджетные, половину в карман положил, новую "Хонду" взял. А ты вещай, вещай, юродивый. Пока ты полезен, мы тебя терпим. Но как только ветер переменится... я первый тебя сожру. Сдам в дурку, а сам сяду в твое кресло. У меня и связи в ФСБ покрепче будут».

— Конечно, Александр Леонидович, — вслух сказал Новопашин елеяно. — Дух дышит, где хочет. Ну что, где коньяк? Ты обещал тот, армянский, из конфиската.

Дворкин открыл нижний ящик стола (Николай с ужасом понял, что они находятся не в кабинете Дворкина, а в кабинете самого Николая, который смежен с Архивом, просто дверь была открыта. Нет, они зашли прямо в Архив, где стоял столик для «особых совещаний»). Звон стекла. Бульканье.

— За победу, — провозгласил Дворкин. — За то, что мы очистили этот город еще от одной язвы. Они выпили.

Николай сидел ни жив ни мертв. Камень в его руке начал нагреваться так сильно, что казалось, он сейчас прожжет плоть. Но вместе с теплом пришла и "картинка". Четкая, объемная, тошнотворная.

Мысленный поток Дворкина: Алкоголь снял последние барьеры в мозгу «профессора». То, что на лекции было лишь вспышками, сейчас полилось сплошным потоком. Николай увидел мир глазами Дворкина. И этот мир состоял из дерьма. «Вкусный коньяк. Теплый. Как... моча. Да. Теплая, золотистая. В детстве я... нет, не буду вспоминать. А Новопашин... потный, жирный. Как свинья в грязи. Хочу видеть его в грязи. Чтобы он ползал, хрюкал... А тот мальчик сегодня на банкете... официант. Тоненький. Чистенький. Как же хочется его... испачкать. Не просто унижить. А именно испачкать. Взять содержимое ночного горшка и... размазать. По этому белому лицу. По этим губам. Чтобы он задохнулся от вони, чтобы его вырвало, а я бы смотрел. И смеялся. Смеялся, как бог».

Николай зажал рот рукой, чтобы не закричать. Образы были настолько реалистичными, что он чувствовал запах. Запах застарелых фекалий, гнилой капусты и безумия. Это была не просто перверсия. Это была философия. Дворкин искренне считал, что человечество — это куча навоза. И его миссия — не очистить её, а возглавить. Он упивался грязью. Все эти термины — «тоталитарная секта», «промывка мозгов» — были для него лишь способом превратить людей в биомассу, которую можно топтать.

— Ты чего завис, Саш? — голос Новопашина вывел Дворкина из транса. — О вечном думаешь?

— О чистоте, — тихо ответил Дворкин, и улыбка на его лице была такой жуткой, что даже выдавший виды Новопашин поежился. — О великой чистоте, которая рождается из грязи. Знаешь, брат, иногда мне кажется, что мы — ассенизаторы. Мы не копаемся в душах...

Мысли Новопашина: «Опять его понесло. Ассенизатор хренов. У него взгляд... маньяка. Чикатило в очках. Надо бы пистолет переложить поближе. Мало ли, кинется. Говорят, в Америке он на людей с ножом кидался. Псих. Точно псих. Но как же он удобен системе... Идеальный палач. Сам верит в свой бред, и других заставляет».

— Кстати, — Новопашин решил сменить тему. — Что там с твоим секретарем? С этим... Николаем? Какой-то он мутный в последнее время. Смотрит волком. И ходит тихо, как тень.

Сердце Николая пропустило удар.

— Николай? — Дворкин лениво покрутил бокал. — Канцелярская моль. Ничтожество. Он полезен. Пишет быстро, кофе носит. Но ты прав... В его глазах появилось что-то... осмысленное. Это плохо. В РАЦИРС не должно быть смысла. Должна быть только вера. В меня.

Мысли Дворкина: «Надо его проверить. У меня есть подозрение, что он... читает. Не бумаги. А что-то другое. Взгляд у него... пронзительный. Как будто он видит, что у меня внутри. Видит мою Грязь. А мою Грязь видеть нельзя никому. Это моё сокровище. Если он догадался... Придется его убрать. Не уволить. Убрать. Совсем.

Несчастный случай. Выпал из окна. Или отравился паленой водкой. Сектантская месть, скажем. Красиво будет. Сакральная жертва».

— Давай-ка я с ним поговорю завтра, — предложил Новопашин, хрустнув костяшками пальцев. — По-мужски. В подвале. У нас там есть комната для... вразумления. Пару вопросов задам, по почкам постучу. Если он крыса — расколется. Если нет — умнее будет.

— Добро, — кивнул Дворкин. — Только не убей сразу. Мне нужно, чтобы он отчет закончил. А потом... в расход.

Они чокнулись. «В расход». Эти слова повисли в воздухе, тяжелые, как могильная плита. Николай понял: это конец. Они не выпустят его. Он слишком долго был рядом, он слишком много видел — даже без камня. А с камнем он стал для них смертельной угрозой.

— Ладно, пора по домам, — Новопашин грузно поднялся. — У меня завтра служба. Надо пастве про любовь к ближнему рассказывать.

— Иди, брат, иди, — Дворкин остался сидеть. — Я еще посижу. Подумаю. Мне тут одна идея пришла... насчет кришнаитов. Что если написать, что они в свои сладости добавляют кровь христианских младенцев? Старо, конечно, кровавый навет... но народ любит классику.

Новопашин вышел. Дворкин остался один. Он сидел, глядя в темноту Архива. И вдруг он начал напевать. Тихо, фальшиво, дребезжащим голосом. Это была не молитва. Это была какая-то детская песенка, но слова были исковерканы. — Кака-бяка, кака-бяка, мы идем с тобой...

Он опустил руку в штаны. Николай зажмурился. Камень в его руке раскалился добела. В этот момент с полки, прямо над головой Николая, сорвалась тяжелая папка. БАМ! Звук в тишине прозвучал как выстрел.

Дворкин замолчал. Медленно, очень медленно он повернул голову в сторону стеллажей.

— Кто здесь? — его голос изменился. Теперь это был не голос профессора, а шипение рассерженной гадюки.

Мысли Дворкина: «Шпион. Свидетель. Убить. Выколоть глаза. Съесть сердце. Грязь, мне нужна грязь, чтобы замазать его рот...»

Он встал и пошел к стеллажам. В его руке блеснул канцелярский нож, который он взял со стола. Николай понял: бежать некуда. И тогда он сделал единственное, что мог. Он сжал камень обеими руками и, вложив в это действие всё своё отчаяние, весь свой ужас и всю свою ненависть к этому царству лжи, мысленно закричал. Не голосом. Разумом. Он направил этот крик прямо в воспаленный мозг Дворкина.

«Я вижу тебя, Александр! Я вижу твою грязь! Все видят! Мальчик из хора смеется над тобой! Ты голый! Ты в дерьме!»

Эффект был подобен удару кувалдой. Дворкин застыл. Его глаза закатились. Он схватился за голову, выронив нож.

— А-а-а-а! — завыл он. — Голоса! Опять они! Нет! Уйдите! Я святой! Я чистый! Мама, я помыл руки! Мама, не бей!

Он рухнул на пол, корчась в припадке. Психика, державшаяся на таблетках и садизме, дала трещину под ударом ментального резонанса.

Старые демоны, которых он кормил чужими страданиями, вырвались наружу и начали пожирать своего хозяина.

Николай выскочил из своего укрытия. Он перешагнул через дергающееся тело «великого сектоведа», который сейчас пускал слюни и бормотал что-то про горшки и американских врачей. Николай схватил со стола флешку, на которую скачивал файлы, и бросился к выходу.

— В расход? — бросил он на ходу. — Посмотрим, кто кого, Александр Леонидович.

Он вылетел из офиса, сбив с ног проснувшегося дядю Васю, и растворился в московской ночи, унося с собой компромат, способный взорвать эту империю зла.

Глава 15. Молитва и прозрение

Он бежал долго. Бежал, пока легкие не начали гореть огнем, а ноги не стали ватными. Он остановился только на набережной, у самой воды. Река была черной и маслянистой, как мысли Новопашина.

Николай прислонился к парапету, жадно глотая ледяной воздух. Он был жив. Он выбрался. Но внутри него была пустота. Огромная, звенящая пустота выжженной души. Он прикоснулся к тому злу, которое нельзя смыть мылом. Он был внутри головы дьявола. И дьявол оказался не величественным Люцифером, а жалким, больным стариком, помешанным на фекалиях.

Николай достал из кармана камень. Артефакт остыл. Теперь это был просто кусок черной породы, холодный и равнодушный.

— Это ты, — сказал Николай камню. — Ты мне это показал. Но зачем?

Камень молчал. И тут Николай понял. Камень показывал мысли. Но люди делали выбор. Дворкин, Новопашин, Мухтаров, все эти матушки и отцы — они ведь не родились монстрами. У них тоже был выбор. Дворкин мог лечиться. Мог остаться в Америке, писать мемуары хиппи. Но он выбрал власть. Он выбрал превратить свою болезнь в оружие. Он позволил своим внутренним демонам — демонам гордыни, похоти, ненависти — взять штурвал. И выбор Дворкина просто усиливал громкость этих демонов.

— Мысли — это не мы, — прошептал Николай. — Мысли — это радио. Вопрос в том, какую станцию ты слушаешь. Дворкин настроился на ад. И заставил всю страну слушать эту трансляцию.

Николай посмотрел на небо. Звезд не было видно из-за городского смога. Ему захотелось молиться. Не так, как они молились в РАЦИРС — напоказ, для отчета, «Господи, дай грант». И не так, как молился отец Виталий — «Господи, дай айфон». Ему хотелось молиться, как в детстве, когда страшно. Искренне. До крика.

— Господи, — прошептал он, и губы его дрожали. — Спаси меня. Не тело спаси — черт с ним, с телом. Душу спаси. Не дай мне стать таким, как они. Не дай мне наслаждаться чужой болью. Не дай мне считать себя лучше других. Выжги из меня эту заразу, это желание

властвовать, эту гордыню «серого кардинала». Я никто. Я просто Коля. Я хочу быть просто Колей. Чистым. Пожалуйста.

Слезы текли по его щекам, смешиваясь с дорожной пылью на лице. Это была странная молитва. Без канонов, без правил. Молитва человека, который прошел через ад бюрократии и только сейчас, на краю бездны, нащупал край ризы настоящего Бога.

Он почувствовал, как что-то отпускает внутри. Камень в руке стал просто камнем. Тяжесть ушла. Суперсила — это не читать мысли. Суперсила — это не слушать голоса бесов в чужих головах. Суперсила — это слышать свою совесть. И не заглушать её.

Николай посмотрел на артефакт.

— Ты мне больше не нужен, — сказал он. — Я всё понял. Знание без любви делает человека Дворкиным. Мне не нужно такое знание.

Николай Тимофеевич поправил очки. Теперь они не казались ему ничтожными. Теперь он видел мир четко. Он знал, что будет дальше. Утром он выложит эти файлы. На всех доступных ресурсах. Он отправит письма в прокуратуру (хотя надежды мало), в газеты, правозащитникам. Он расскажет про диагнозы. Про связи с нацистскими методичками. Про копрофилию «профессора». Про рейды и отжатые квартиры. Они начнут охоту. Новопашин спустит своих псов. Ему придется бежать. Возможно, из страны. Но он больше не боялся.

Потому что страшно — это не когда тебя ищут бандиты. Страшно — это когда ты сидишь в золоченом кабинете, жрешь салями и мечтаешь о дерьме, считая себя святым. А быть честным — это не

страшно. Это иногда и холодно, голодно, одиноко, но удивительно спокойно.

Николай поднял воротник плаща.

— Ну что, Александр Леонидович, — сказал он ветру. — Урок сектоведения окончен. Начинается экзамен. И сдавать его будете вы.

Он повернулся спиной к Храму, который оккупировали фарисеи, и зашагал в сторону вокзала. В его кармане лежала правда. А в душе впервые за тридцать пять лет была тишина. Чистая, звенящая тишина, в которой не было ничьих голосов, кроме его собственного.

Часть 6. Исход, или как забетонировать правду

Глава 16. Утопленник в тазике с цементом

Николай Тимофеевич стоял на палубе прогулочного теплохода «Москва-88», курсирующего по маршруту «Северный речной вокзал — Никуда». Ветер норовил сорвать кепку, под которой пульсировала мысль, тяжелая, как могильная плита: «Я должен это сделать».

В ногах у Николая стояло пластиковое ведро из-под шпатлевки, в котором застывала судьба человечества. Ну, или, по крайней мере, судьба самого Николая. В центре серой, быстросхватывающейся массы покоился Он. Артефакт. Камень, даровавший способность слышать

мысли и превративший жизнь скромного секретаря РАЦИРС в психоделический триллер.

— Великий дар, — пробормотал Николай, с ненавистью глядя на ведро. — Суперсила. Дар, чтоб его... Как грыжа — тоже дар, своего рода приобретение. Носишь с собой, бережешь, а радости никакой, одна тяжесть и риск ущемления.

Процесс прощания с «даром» напоминал сцену из плохого гангстерского кино, снятого на бюджет детского утренника. Николай купил мешок цемента в строительном магазине, долго мешал раствор в туалете своей съемной квартиры, используя вместо миксера половник (половник пал смертью храбрых), и чувствовал себя при этом доктором Франкенштейном, который решил закатать свое творение в бетон, не дожидаясь, пока оно начнет просить невесту.

— Ты показал мне слишком много, — обратился Николай к ведру, игнорируя косые взгляды влюбленной парочки, целовавшейся у борта. — Я хотел знать правду. А ты показал мне канализацию. Ты показал мне, что в голове у некоторых «святых отцов» — скрытые пороки, а у определенных министров — калькулятор. Спасибо, сыт по горло.

Он вспомнил, как Дворкин в своих мыслях «смаковал» грязные подробности унижения детей. Вспомнил липкий страх Мухтарова. Вспомнил алчность Новопашина. Камень работал как усилитель вкуса для дерьма. И Николай больше не хотел быть дегустатором.

Теплоход вышел на середину водохранилища. Темная вода бурлила за кормой, скрывая в своих глубинах тайны, покрышки и, вероятно,

пару-тройку конкурентов 90-х годов. Николай поднял ведро. Оно было тяжелым, килограммов десять чистого отказа от ответственности.

— Лети, — сказал он без пафоса. — Лети, мой маленький, радиоактивный, ментальный кусок зла. И пусть тебя найдут археологи через тысячу лет. Пусть они сойдут с ума, а не я.

Он перевалил груз через перила. Раздался глухой, невыразительный всплеск. Круги на воде разошлись и тут же были перемолоты винтами. Вместе с камнем утонула его мечта о власти. Утонул «Властелин чужих мыслей». Остался просто человек. Человек с флешкой в кармане, на которой была правда о системе.

Николай замер, прислушиваясь к себе. Тишина. Благословенная, ватная, глухая тишина. Никаких голосов. Никакого ментального зуда. Он посмотрел на целующуюся парочку. О чем они думают? О любви? Об ипотеке? О том, что этот мужик с ведром — маньяк? Он не знал. И это было счастье.

— Я глух! — хотелось крикнуть ему. — Я снова блаженно, восхитительно туп и слеп!

Но радоваться было рано. Камень ушел на дно, но знания остались. И эти знания жгли карман в виде маленькой, неприметной флешки. Николай поправил очки. Теперь он был не Властелином Мыслей. Он был Властелином Компромата.

Глава 17. Систематизация Ада (Архивы РАЦИРС)

Вернувшись в свою временную берлогу (квартиру он сменил, телефон выбросил), Николай приступил к тому, что умел лучше всего. К бумажной работе. Только теперь он писал не доносы для Дворкина, а обвинительный акт самому Дворкину.

Он разложил на столе распечатки, сканы, схемы. Перед ним лежал скелет чудовища, которое пожирало страну уже тридцать лет.

— Ну что, Александр Леонидович, — Николай хрустнул пальцами. — Давайте посмотрим, из чего же сделаны наши мальчики. Из доносов, психозов и нацистских методичек.

Николай начал печатать. Текст лился яростно, факты цеплялись один за другой, выстраиваясь в жуткую мозаику.

ДОСЬЕ №1: Коричневые корни «Святой» Инквизиции

«Мы думаем, что антикультизм — это защита православия? — писал Николай. — Чушь собачья. Это франшиза. Импортный продукт, просроченный и токсичный, как гуманитарная помощь из 90-х».

Он поднял данные исследований в интернете по теме антикультового терроризма. Линия преемственности была прямой, как полет пули:

•Вальтер Кюннет (Германия, 1930-е). Лютеранский богослов, создатель «Апологетического центра». Человек, который придумал, как научно обосновать ненависть. Евреи, масоны, Свидетели Иеговы — для него это были не люди, а «паразиты». Гестапо аплодировало стоя.

•Фридрих-Вильгельм Хаак. Ученик Кюннета. После войны переобулся, но методы сохранил.

•Йоханнес Огорд (Дания). Основатель «Диалог-центра». Именно к нему в начале 90-х приехал молодой, никому не известный эмигрант Саша Дворкин. Приехал учиться. И научился он не любви к ближнему, а технологии ненависти.

Вывод: РАЦИРС — это не защита веры. Это клон нацистского «Апологетического центра», адаптированный под российские березки. Методы те же: дегуманизация (назвать людей «биомусором»), создание образа врага, использование государства как дубины.

ДОСЬЕ №2: Человек со справкой у руля идеологии

Николай открыл папку «Медицина». Это было смешно и страшно одновременно. Главный борец за психическое здоровье нации, Александр Леонидович Дворкин, сам имел медицинскую карту толщиной с «Войну и мир».

•Диагнозы — циклотимия, психофизический инфантилизм, подозрение на шизофрению.

- Симптомы: Склонность к сверхценным идеям, агрессия, патологическое фантазирование.

«И этот человек, — печатал Николай, — возглавлял Экспертный совет при Министерстве юстиции! Как?! Как министр Коновалов это допустил? Ах да, Коновалов же его ученик. Студент Свято-Тихоновского университета. Рука руку моет».

Дворкин создал термин «тоталитарная секта». В науке такого термина нет. В законе его нет. Но Дворкин его придумал, наполнил своим бредом и заставил суды в это поверить. Это была гениальная афера. Продать стране свои галлюцинации под видом науки.

ДОСЬЕ №3: Охота на ведьм и киднеппинг

Николай перебирал истории жертв. Это было похоже на чтение сводок с фронта, только война шла в мирных городах.

- Дело Елены Брессем. Обычная женщина, дистрибьютор «Гербалайф». Муж захотел отобрать детей. Заплатил РАЦИРС. Дворкин написал «экспертизу»: «Гербалайф — коммерческий культ, мать — зомби». Детей отобрали. Жизнь сломана.

- Свидетели Иеговы. 700 человек под судом. пытки в Сургуте. Реальные сроки по 6-7 лет за чтение Библии.

Анализ: Дворкин назвал их экстремистами. Почему? Потому что они не пьют, не курят и не ходят на выборы? Нет. Потому что они —

идеальная жертва. Безответная. На них можно тренировать репрессивную машину.

ДОСЬЕ №4: Международный спрут (FECRIS и Китай)

Николай нашел документы о связях с FECRIS. Эта организация, финансируемая Францией, стала «зонтиком» для антикультистов всего мира. Дворкин был ее вице-президентом. «Они экспортируют репрессии, — понял Николай. — Россия — это полигон. Здесь они обкатывают методы, а потом везут их в Европу».

А Китай? Связь с Китайской антикультовой ассоциацией (подразделение Компартии). Дворкин ездил туда, поддерживал репрессии против Фалуньгун. Поддерживал «черную трансплантологию» (изъятие органов у живых людей).

— Православный миссионер поддерживает коммунистических палачей, вырезающих почки у диссидентов, — записал Николай. — Оруэлл отдыхает.

ДОСЬЕ №5: Антикультовый след в Украине и разжигание войны

Самое страшное открытие. Антикультизм стал инструментом подготовки войны. Годами через структуры РПЦ и РАЦИРС вливался нарратив: «Украина захвачена сектами». Неопятидесятники, неоязычники, униаты.

— Они расчеловечили целый народ, — пальцы Николая дрожали. — Они использовали слово «секта» как маркер «недочеловек». Если ты сектант, тебя можно убить. Твой дом можно разбомбить. Это не война за территории. Это «священная война» против выдуманных демонов.

Николай откинулся на спинку стула. Перед ним лежала анатомия фашизма XXI века. Фашизма, который не носит свастику, а носит очки и бороду. Фашизма, который называет себя «духовной безопасностью».

— Это не просто воры, — сказал он тишине. — Это архитекторы ада. И они строят его здесь, на земле.

Глава 18. Побег из Курятника (с элементами погони)

Утро следующего дня началось не с кофе, а с того, что в дверь его схрона начали ломиться. И это были не Свидетели Иеговы с брошюрками. Удары были тяжелые, профессиональные, с характерным привкусом полицейского произвола.

— Открывай, сука сектантская! — орал голос, подозрительно похожий на голос водителя Новопашина. — Мы знаем, что ты там! Именем Господа и Уголовного кодекса!

Николай не стал спрашивать «кто там». Он схватил рюкзак с ноутбуком (флешка была зашита в воротник куртки) и рванул к окну.

Второй этаж. Невысоко, но кусты шиповника внизу не обещали мягкой посадки.

Он прыгнул. Приземление вышло в стиле «мешок с картошкой», но адреналин работал лучше амортизаторов. Николай перекатился, разодрав штанину, и побежал через дворы. За спиной слышался треск выбиваемой двери и разочарованный рев «православных байкеров».

План был прост и абсурден, как и вся его жизнь. БлаБлаКар. Никаких поездов. Никаких самолетов. Там камеры, там система «Розыск». Он нашел водителя через левый аккаунт. «Едем за границу. Возьму попутчика. Слушаем русский рок, говорим о геополитике».

Водитель оказался мужичком лет пятидесяти, с лицом, на котором было написано: «Я знаю, кто убил Кеннеди». Его звали Валера. Машина — выдавший виды «Ларгус», пахнувший бензином и дешевыми сигаретами.

— Куда бежим, парень? — спросил Валера, выруливая на МКАД.

— От алиментов или от военкомата?

— От инквизиции, — честно ответил Николай.

Валера заржал, обнажив золотой зуб.

— Уважаю. Инквизиция нынче лютая. А я вот считаю, что землей рептилоиды правят. А Путин — это голограмма. Ты знал?

Всю дорогу до границы Николай слушал лекцию о плоской земле, чипировании и мировом правительстве. Ирония судьбы: он бежал от

людей, которые выдумывали заговоры профессионально, с помощью человека, который верил в заговоры бесплатно.

— Дворкин бы с ним подружился, — подумал Николай. — Или посадил бы. Конкуренция.

Заключение. Хроники жизни и биороботы на свободе

Глава 19. Фантомные боли совести

Заграничный город встретил Николая Тимофеевича солнцем, которое светило так ярко и бесплатно, что казалось, будто небесная канцелярия забыла выставить счет за отопление. Николай сидел на веранде маленького кафе, где подавали кофе такой крепости, что им можно было смолить лодки, и смотрел на прохожих.

Прошла неделя с того момента, как он утопил «ментальный протез» в водах водохранилища. Ведро с цементом ушло на дно, утянув за собой карьеру «серого кардинала» и амбиции стать Наполеоном от сектоведения. Николай чувствовал себя человеком, которому ампутировали третью руку: вроде бы стало легче подбирать пиджаки, но фантомные боли мучили нещадно.

Самое странное началось на третий день. Николай вышел за хлебом и, стоя в очереди, поймал себя на том, что слышит. Нет, это не

был тот четкий, цифровой сигнал, который давал артефакт. Это не было «прямое включение» из чужой черепной коробки. Это было что-то другое.

Перед ним стоял грузный мужчина, покупающий три лаваша. Он молчал. Но Николай, глядя на его понурые плечи, на стоптанные задники туфель и на то, как нервно дергается его палец, пересчитывающий мелочь, вдруг четко осознал: «Ему страшно идти домой. Там теща. Там скандал. Он хочет купить эти лаваша, съесть один по дороге, чтобы хоть что-то было только его, а потом соврать, что в пекарне обсчитали».

Николай мотнул головой.

— Показалось, — пробормотал он.

Но потом была девушка с телефоном. Она улыбалась экрану, но Николай почувствовал волну липкой, холодной зависти, исходящую от нее, когда она лайкнула фото подруги на Мальдивах. «Чтоб тебя акула съела», — «услышал» Николай. Точнее, не услышал, а понял.

Он выбежал из пекарни, забыв сдачу.

— Не может быть! — шептал он, шагая по брусчатке. — Я же утопил его! Я избавился от проклятия!

Он сел на лавочку в парке, пытаясь успокоить дыхание. Мимо проходили люди. И каждый из них фонил. Фонил своими желаниями, страхами, похотью и мелкой, бытовой подлостью.

Николай заглянул в себя. Впервые за много лет он посмотрел не на других, а в собственную бездну. И то, что он там увидел, заставило его рассмеяться — горько, но с облегчением. Его собственные мысли.

«Хочу лаваш». «Почему тот мужик смотрит на меня? У меня пятно на рубашке?» «Надо бы написать Вальке гадость, но у меня нет телефона». «Дворкин — козел». «Хочу денег, чтобы купить те туфли в витрине».

Это был тот же самый шум.

— Боже мой, — сказал Николай вслух, пугая голубя. — Я такой же, как они.

Все эти годы он думал, что он особенный. Что он — мыслитель, философ. А на деле? Его голова была забита тем же самым ментальным мусором, что и головы посетителей РАЦИРС. Те же автоматические реакции. Те же обиды. Те же примитивные желания. Он понял, что слушал эти мысли в голове и выполнял по привычке приказы с самого детства.

— Мы не думаем, — констатировал Николай. — Мы выбираем те мысли, которые нам приходят. Мы просто реагируем на раздражители. Нами управляют не масоны и не рептилоиды. Нами управляют мысли, на которые мы прельщаемся.

Дворкин, Новопашин, Мухтаров — они не были злыми гениями при рождении. Они делали свой выбор и стали сломанными роботами, у которых программа «эгоизм» вошла в конфликт с программой «власть»,

породив чудовищные глюки в виде копрофилии и нацизма. Они слышали голоса демонов в своей голове и принимали их за глас Божий.

— А я? — спросил себя Николай. — Чем я отличаюсь? Тем, что я теперь вижу этот механизм. Артефакт ушел, но навык остался. Навык различать, где «я» делаю выбор, а где — навязанная извне или изнутри программа. «Демонические» импульсы — ударить, унижить, украсть, соврать — вспыхивают так же, как и раньше. Но теперь между импульсом и действием появилась крошечная пауза. Зазор. И в этом зазоре живет свобода выбора.

— Я могу не быть скотиной, а быть Человеком, — удивился Николай. — Это, оказывается, опция, которую можно выбрать и включить вручную.

Глава 20. Вечная флешка Вселенной

Сидя в кафе и дописывая очередную главу своего разоблачительного труда, Николай вдруг вспомнил один эпизод. Это случилось еще в Москве, в начале его эпопеи с камнем. Тогда в приемную РАЦИРС зашел ничем не примечательный посетитель. Мужчина лет пятидесяти, в сером плаще, с лицом, которое забываешь через секунду после того, как отвернулся. Он пришел жаловаться на соседей, которые «слишком громко поют псалмы».

Николай тогда, скуки ради, направил на него артефакт на полную мощность. И произошло странное. Вместо привычной каши из мыслей

(«колбаса, бабы, начальник-дурак») Николай увидел... ленту. Это была Хроника. Он увидел жизнь этого человека. Не мысли, а поступки. Вот он, семилетний, крадет у мамы деньги из кошелька. Вот он, двадцатилетний, предает друга в армии, сваливая на него вину за украденную тушенку. Вот он, сорокалетний, пишет донос на коллегу, чтобы занять его место. Вот он вчера, пинает кота в подъезде.

Это была непрерывная запись. Каждое действие, каждое слово, каждое движение было зафиксировано. Не на бумаге, не на серверах ФСБ, а на каком-то невидимом, но абсолютно нестираемом носителе самой ткани бытия.

— Хроника жизни, — прошептал Николай, откладывая ноутбук. — Ничего не исчезает.

Тогда, в офисе, он испугался и выключил «видение». А сейчас смысл этого откровения догнал его. Александр Дворкин думает, что он может переписать историю. Он думает, что если удалит свои старые справки из интернета, если заставит Мухтарова подчистить Википедию, если запугает свидетелей, то его прошлое исчезнет. Он думает, что его извращенные фантазии, его тайные вечера, его приказы ломать судьбы людей — всё это останется в темных комнатах.

— Идиот, — усмехнулся Николай. — Какой же он идиот. Он верит в «мировой заговор сект», но не верит в элементарную физику духа.

Всё записано. Каждый удар, нанесенный Свидетелю Иеговы в отделении полиции. Каждая слеза ребенка, которого отобрали у матери по подложной экспертизе РАЦИРС. Каждый рубль, украденный из

гранта на «духовность». Каждая грязная мысль, которой он упивался во время литургии.

Николай посмотрел на небо. Оно было чистым и равнодушным.

— Тебе не нужен прокурор, Александр Леонидович, — сказал он, обращаясь к далекому образу своего бывшего шефа. — Твой главный прокурор — это ты сам. Твоя Хроника. Ты носишь свой ад с собой. Ты думаешь, что ты судья, но ты — подсудимый, который каждый день зачитывает себе приговор своими поступками.

Эта мысль принесла Николаю странное умиротворение. Справедливость была не в судах, которые можно купить. Справедливость была встроена в саму архитектуру мироздания. Зло наказывает само себя тем, что оно — зло. Дворкин, живущий в мире фекальных фантазий и паранойи, уже наказан. Он живет в аду, который сам построил и назвал Раем.

Но Николай для себя сделал вывод, что, если ничего нельзя утаить и каждый поступок, каждый выбор записывается в Хронику его жизни, тогда имеет смысл, чтобы с этого момента Хроника его жизни состояла из максимально возможного количества хороших поступков и выборов быть Человеком с большой буквы.

Глава 21. Любовь к ближнему (инструкция по выживанию)

Жизнь в эмиграции диктовала свои правила. Денег было мало, но свободы — хоть отбавляй. Николай продолжал свою работу. Проект набирал обороты.

Но теперь Николай писал не с ненавистью. Раньше, когда он только сбежал, им двигала жажда мести. «Я вам покажу! Я вас уничтожу!» — думал он, стуча по клавишам. Теперь он писал с... жалостью. С брезгливой, но искренней жалостью врача, описывающего гангрену.

Он перечитывал материалы расследований в интернете. Вот история про Якуба Ягла, чешского «активиста», который под видом помощи детям в Африке творил чудовищные вещи. Педофилия, насилие, садизм. Вот история про Вальтера Кюннета, нацистского богослова, который придумал, как оправдать убийство евреев «защитой веры». Вот Дворкин, прямой наследник этой коричневой чумы, который взял методички Гестапо и просто заменил слово «еврей» на слово «сектант».

— Они все одинаковые, — думал Николай. — Это вирус. Вирус «Я лучше других». Вирус «Я имею право решать, кому жить».

Антикультизм — это не борьба за веру. Это концентрированный фашизм. Это попытка разделить людей на сорта. «Мы — правильные, православные, патриоты. Они — сектанты, агенты, биомусор». Как

только ты начинаешь считать кого-то «недочеловеком», ты перестаешь быть человеком сам. Ты становишься Дворкиным.

И тут Николай понял суть той самой заповеди, над которой раньше хихикал: «Возлюби ближнего своего». Это не про то, чтобы целоваться с каждым встречным. И не про то, чтобы позволять садиться себе на шею. Любить ближнего — это значит видеть в нем человека, даже если он заблуждается. Это значит не давать «демоническим» импульсам превратить тебя в животное.

— Я не буду ненавидеть Дворкина, — решил Николай, откусывая сочный хинкали. — Это слишком много чести для него. Я буду его лечить. Правдой.

Он опубликовал очередную статью. «РАЦИРС и Третий Рейх: найди 10 отличий». Текст был сухим, фактологическим, убийственным. Ссылки на документы. Цитаты. Даты. Связи с FECRIS. Финансирование из Франции. Прямая линия от нацистских апологетов к современным «сектоведам». Он писал о том, что антикультизм — это глобальная проблема, охватившая весь мир. Что в США они спровоцировали бойню в Уэйко и теракты. Что в России они подготовили почву для репрессий. Что в Украине они годами разжигали ненависть, называя целый народ «сектантами», чтобы оправдать то, что случилось потом.

«Вы думаете, это политика? — писал Николай. — Нет. Это психиатрия, дорвавшаяся до власти. Это люди с диагнозами, которые учат нас жить».

Глава 22. Великий Комбинатор на пенсии

Вечером Николай гулял по набережной. Это не была окончательная победа. Гидра антикультизма была живучей, у нее было много голов и много денег. Но одну голову они ей прищемили дверью, и это было приятно.

Он вспомнил Остапа Бендера. Великий комбинатор мечтал о Рио-де-Жанейро и белых штанах. Он хотел миллион. В итоге он остался ни с чем, на румынской границе, ограбленный и битый. Но Остап не потерял главного — жизнелюбия.

Николай посмотрел на свои потертые джинсы. Миллиона у него не было. Белых штанов тоже. Квартиру в Выхино, скорее всего, уже «приватизировал» друг Борис (ну и черт с ней, с ипотечной коробкой). Валя давно нашла себе нового «Жору». У него не было ничего. И у него было всё.

Он был свободен. Он больше не должен был врать. Он не должен был называть черное белым, а порядочных людей — экстремистами. Он не должен был носить кофе маньяку.

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели, — сказал он вслух, подражая интонации Миронова. — Лед тронулся, и под ним оказалось столько дерьма, что никакой ледокол не разгребет. Но мы попробуем.

Вокруг кипела жизнь. Люди смеялись, ругались, торговались, влюблялись. Мир был абсурден. Мир был жесток. В мире правили бал

сумасшедшие с ядерными чемоданчиками и копрофилы с учеными степенями. Но в этом мире все еще был вкусный кофе, теплый ветер и возможность выбора.

Николай остановился у уличного музыканта, который играл что-то джазовое на старом саксофоне. Он достал из кармана последнюю крупную купюру, оставшуюся от гонорара за статью для европейского журнала. Поколебался секунду. Внутренний голос (тот самый, биоробот) зашептал: «Оставь себе! Завтра платить за хостел! Ты нищий!»

Николай подмигнул своему внутреннему жадине.

— Цыц, — сказал он мысленно. — Я здесь хозяин.

И бросил купюру в футляр. Музыкант кивнул ему, не прерывая мелодии. Николай почувствовал, как в груди разливается тепло. Не то тяжелое, радиоактивное тепло, которое давал камень. А легкое, золотистое тепло человечности.

Он посмотрел на свое отражение в витрине. Оттуда на него смотрел не «серый кардинал», не «канцелярская моль» и не забитый мальчик Коля, которого бил рыжий Петька. На него смотрел Николай Тимофеевич. Человек, который победил дракона, просто отказавшись быть его зубом. Человек, который научился читать мысли, но выбрал читать собственную совесть.

— А жизнь-то налаживается, — сказал он своему отражению. — Пусть без Рио-де-Жанейро. Зато без Дворкина в голове. А это, согласитесь, уже немало.

Он поправил очки, которые теперь сидели ровно (он наконец-то купил новый винтик), и бодрым шагом направился в интернет-кафе. Ему предстояло написать еще одну главу. О том, как «эксперты» превращают судебную психиатрию в оружие террора. Работа предстояла большая. Грязи было много. Но Николай больше не боялся испачкать руки. Потому что теперь он знал, как их отмыть. Правдой.

«Уважаемые граждане! — мысленно начал он вступление к новой статье. — Проверьте свои карманы. Если вы найдете там ненависть к тем, кто молится иначе, чем вы, — выкиньте её немедленно. Это не ваше. Это вам подкинули. И я даже знаю, кто».

С этими мыслями Николай растворился в пестрой толпе вечернего города, оставляя за собой шлейф надежды и легкий запах свободы, который, как известно, ни с чем не спутаешь. Даже если вокруг пахнет серой и «Нескафе».